

Генеральная Ассамблея

Пятьдесят шестая сессия

Официальные отчеты

Distr.: General
16 January 2002
Russian
Original: English

Шестой комитет

Краткий отчет о 12-м заседании,

состоявшемся в Центральных учреждениях, Нью-Йорк, в среду, 31 октября 2001 года, в 10 ч. 00 м.

Председатель: г-н Абдалла (заместитель Председателя) (Судан)

затем: г-н Лелон (Председатель) (Гаити)

Содержание

Пункт 162 повестки дня: Доклад Комиссии международного права о работе ее пятьдесят третьей сессии (*продолжение*)

Заявление Председателя Международного Суда

В настоящий отчет могут вноситься поправки. Поправки должны направляться за подписью одного из членов соответствующей делегации *в течение одной недели после даты издания* на имя начальника Секции редактирования официальных отчетов, комната DC2-750 (Chief, Official Records Editing Section, room DC2-750, 2 United Nations Plaza).

Поправки будут изданы после окончания сессии в отдельном для каждого комитета документе, содержащем только исправления.

В отсутствие г-на Лелона (Гаити) г-н Абдалла (Судан), заместитель Председателя, занимает место Председателя.

Заседание открывается в 10 ч. 10 м.

Пункт 162 повестки дня: Доклад Комиссии международного права о работе ее пятьдесят третьей сессии (продолжение) (A/56/10)

1. **Г-н Ямада** (Япония), касаясь главы IV доклада (A/56/10), приветствует тот факт, что после 50 лет неустанных усилий Комиссия завершила работу над сводом проектов статей об ответственности государств за международно-противоправные деяния. Правительство его страны решительно поддерживает рекомендации, сделанные Комиссией в пунктах 72 и 73 доклада. Хотя Япония должным образом оценивает тот факт, что правительства некоторых государств, возможно, пожелают принять конвенцию об ответственности государств в ближайшем будущем, она считает, что это было бы преждевременным, и в связи с этим полагает, что предложенный Комиссией оригинальный двухэтапный подход в разумной степени удовлетворителен с точки зрения обеих позиций. В статьях второго поколения нашли свое отражение новые веяния в области права, касающегося ответственности государств, и это означает, что государствам, судам и ученым необходимо время, чтобы изучить и оценить их.

2. Правительство его страны поддерживает текст в целом и с удовлетворением отмечает, что из него были изъяты все упоминания о международных преступлениях. Его страна признает существование серьезных нарушений и качественных различий между серьезными нарушениями и обычными нарушениями и полагает, что государствам следует сотрудничать в целях пресечения серьезных нарушений. Развитие международного права в отношении подобных нарушений способствовало бы обеспечению интересов международного сообщества в целом. Спорный вопрос заключается в том, отличаются ли правовые последствия серьезных нарушений от правовых последствий обычных нарушений. Хотя Япония не совсем убеждена в необходимости сохранения категории серьезных нарушений, она понимает и принимает новые положения, в соответствии с которыми государства несут обязательство по непризнанию, неказанию содействия и сотрудничеству в целях их прекращения, поскольку эти

новые положения являются результатом хрупкого компромисса между различными точками зрения.

3. Хотя Комиссия, очевидно, намеревается уточнить и ограничить сферу охвата довольно расплывчатого понятия «международное сообщество в целом», введя идею императивных норм, последний термин был установлен и разработан в праве договоров; при этом необязательно предполагалось затрагивать правовые нормы в отношении ответственности государств. Его включение в эти правовые нормы неизбежно устанавливает связь с правом международных договоров и может привести к неожиданным результатам. Хотя правительство его страны не выступает против использования термина «императивная норма» в статье 40, оно полагает, что при выработке его определения и содержания требуется проявить особую осторожность.

4. Введение в статье 54 защитительной оговорки «без ущерба для» с целью осуществить суброгацию в отношении права потерпевшего государства на контрмеры заслуживает высокой оценки, поскольку продолжает оставаться в рамках кодификации и прогрессивного развития, но не исключает возможности того, что государства, иные, чем потерпевшее государство, могут в какой-то момент в будущем сыграть определенную роль в восстановлении законности нарушенных норм.

5. Положительным моментом является то, что в новом тексте разъясняется соотношение между понятиями «ущерб» и «вред», поскольку в пункте 2 статьи 31 указано, что понятие «вред» шире понятия «ущерб». Кроме того, в статьях 42 и 48 и комментариях к ним разъясняется связь между содержащимся в статье 31 понятием «вред» и понятием «потерпевший» (как в случае, когда речь идет о «потерпевшем государстве»). Более того, подразумевается, что право государств, иных, чем потерпевшие государства, обращаться к ответственности основано на том, что эти государства каким-то образом затронуты, но в меньшей степени, чем если бы им был нанесен вред. Это понятие больше пригодно в связи с многосторонними правовыми отношениями, чем понятие «нарушение прав», фигурировавшее в варианте текста статьи 40 в первом чтении, и Япония, в принципе, поддерживает этот подход.

6. Хотя статья 42 в значительной степени построена по образцу статьи 60 Венской конвенции о

праве международных договоров, она предназначалась для того, чтобы охватить все международно-противоправные деяния, возникающие на основе всех видов обязательств, и поэтому, возможно, будет сложно провести различие между групповым обязательством, подразумеваемым в пункте (b)(ii) статьи 42, и обязательством, установленным «в целях защиты коллективного интереса», о котором говорится в пункте 1(a) статьи 48. Хотя категория групповых обязательств, возможно, и признается в статье 60 Венской конвенции, в действительности представляется сложным разграничить обязательство, обусловленное различными взаимосвязанными факторами, и обязательство, установленное в целях защиты коллективного интереса, но при этом различие между двумя этими категориями обязательств является основополагающим, поскольку в зависимости от этого определяется, имеет ли государство право требовать полного возмещения и принимать контрмеры в качестве потерпевшего государства. В связи с этим правительство его страны призывает проявить осторожность при определении понятия группового обязательства.

7. Цель замечаний оратора — побудить еще раз подумать над сводом проектов статей, который послужит ценным и надежным руководством. По этой причине он надеется, что Генеральная Ассамблея примет резолюцию, рекомендованную Комиссией.

8. **Г-н Попков** (Беларусь) приветствует завершение работы Комиссии над проектом статей об ответственности государств за международно-противоправные деяния и с учетом особо важного характера указанных проектов статей полагает, что они должны обрести форму конвенции. На данный момент институт международной ответственности государств регулируется преимущественно нормами международного обычного права, что затрудняет в определенной степени его реализацию. Закрепление норм международного права, касающихся ответственности государств, в международном документе, имеющем обязательную силу, несомненно окажет позитивное воздействие на эффективность применения этих норм. Кроме того, результатом работы Комиссии должны быть, как правило, юридически обязательные документы, поскольку только в этом случае Комиссия может в полном объеме выполнять отводимую ей роль в процессе кодификации и развития международного права. В целях обеспечения широкого участия государств в возможной конвенции, посвященной

возможной конвенции, посвященной ответственности государств, и вовлечения их в обсуждение проекта этого актуального международного документа необходимо созвать международную конференцию полномочных представителей. Его делегация поддерживает также обращенную к Генеральной Ассамблее рекомендацию Комиссии принять резолюцию по указанным проектам статей.

9. Достигнутое в рамках Комиссии согласие о необходимости включения в проекты статей положений о контрмерах не только создаст гарантии для эффективного применения этих принудительных средств против государства-нарушителя, но и ограничит возможность различных злоупотреблений в этом отношении. В связи с этим его делегация приветствует включение положений о контрмерах в Часть третью и подход, согласно которому принуждение в виде контрмер должно рассматриваться не как способ наказания государства за противоправное поведение, а лишь как способ восстановления нарушенного права.

10. В проектах статей незаслуженно упущена из виду возможность использования коллективных мер принуждения (санкций) против государств, совершивших международно-противоправные деяния, поскольку применение таких мер через международные организации может быть действенным способом реализации международной ответственности государства и обеспечения выполнения им своих обязательств по отношению к другому государству, группе государств или международному сообществу.

11. В проекте Конвенции важно и необходимо сохранить положения Части третьей об урегулировании споров, содержащейся в проектах статей, принятых в первом чтении. Включение в проект конвенции специальной части о процедурах урегулирования споров имеет основополагающее значение для эффективного осуществления международно-правового режима ответственности государств; кроме того, крайне важно предусмотреть в проекте конвенции возможность обязательного обращения к международному арбитражному разбирательству или в Международный Суд для разрешения спорных ситуаций, связанных с применением контрмер. Применение контрмер должно исключать всякую возможность злоупотреблений; арбитражное разбирательство предоставляет в этом плане определенные гарантии от произвольного применения контр-

мер. Настороженное отношение некоторых государств к обязательному арбитражу предопределяется прежде всего политическими, а не правовыми причинами. Обращение к арбитражной процедуре менее предсказуемо, чем урегулирование конфликтной ситуации другими способами, особенно для государств, занимающих достаточно прочные экономические и политические позиции. В то же время для более слабых государств арбитражное разрешение споров является лучшим средством защиты их интересов. Абсолютное игнорирование в проектах статей обязательных судебных средств является своего рода шагом назад и будет противоречить современным тенденциям развития международного права в области разрешения международных споров. В связи с этим предлагается рассмотреть весь вопрос в комплексе еще раз. Даже если положения об обязательном урегулировании споров не будут распространяться на первичные нормы, то остается значительный круг споров об ответственности государств, разрешение которых при помощи судебных средств может быть весьма эффективным.

12. Делегация не усматривает прямого противоречия между Частью третьей проекта статей, принятого в первом чтении, и возможными положениями об обязательном урегулировании споров в связи с применением и толкованием международной конвенции, с одной стороны, и принципом свободы выбора мирных средств разрешения споров, закрепленным в статье 33 Устава Организации Объединенных Наций — с другой.

13. Делегация отмечает прогрессивный характер статьи 48, учитывающей современную концепцию обязательств *erga omnes*. Она ожидает дальнейшего развития дискуссии по этим положениям на международной конференции полномочных представителей, поскольку их сохранение в тексте международного документа об ответственности государств во многом зависит от политической воли самих государств.

14. Оратор выражает надежду на то, что Комиссия по-прежнему будет уделять самое пристальное внимание разработке международных документов об ответственности международных организаций, поскольку в статье 57 остались неохваченными как вопрос об ответственности государств-членов международных организаций за противоправные деяния, совершаемые этими международными органи-

зациями, так и вопрос об объеме и характере этой ответственности.

15. *Г-н Лелон занимает место Председателя.*

16. **Г-н Хоффманн** (Южная Африка), выступая от имени государств — членов Сообщества по вопросам развития стран юга Африки (САДК) и касаясь главы IV доклада, говорит, что большинство проектов статей об ответственности государств на протяжении уже многих лет поддерживаются судами и государственной практикой. Более того, несколько статей цитировались с согласия Международного Суда. При этом имеются статьи, касающиеся последствий концепций *jus cogens* и обязательств *erga omnes*, которые являются новаторскими и в меньшей степени поддерживаются государственной практикой.

17. САДК полагает, что, в принципе, проекты статей должны быть переданы дипломатической конференции для принятия в виде договора. Однако есть ряд особых обстоятельств, в связи с которыми представляется целесообразным несколько повременить с реализацией этой идеи.

18. Во-первых, в проекте статей охватывается широкий круг вопросов и поднимается ряд сложных проблем, требующих внимательного изучения государствами. Во-вторых, в большинстве статей нашли свое отражение положения международного обычного права, и для них не требуется оформление в виде договора. В-третьих, представляется маловероятным, что договор, в котором данные проекты статей найдут свое отражение, будет ратифицирован многими государствами. Для введения договора в действие потребуются годы, а это подорвет авторитет проектов статей и доверие к ним. В-четвертых, в окончательном варианте проектов статей достигнут определенный баланс между коллидирующими нормами, интересами, ценностями и принципами. Существует реальная опасность того, что внесение поправок в статьи или исключение некоторых статей в ходе дипломатической конференции могут нарушить целостность и последовательность текста.

19. По этой причине САДК поддерживает рекомендацию Комиссии о том, что на нынешнем этапе Генеральной Ассамблее следует принять к сведению текст проектов статей и оформить его в виде приложения к резолюции, которая будет ею принята. Вместе с тем Сообщество полагает, что Шесто-

му комитету следует одобрить достигнутые Комиссией результаты, с удовлетворением отметив завершение работы над проектами статей и рекомендовав государствам рассмотреть их.

20. Касаясь некоторых наиболее противоречивых аспектов проектов статей, оратор говорит, что САДК приветствует исключение статьи 19. Хотя концепция индивидуальной уголовной ответственности за нарушения международного права получила признание и даже была положена в основу Римского статута Международного уголовного суда, международный правопорядок пока просто не готов для концепции уголовной ответственности государства. В настоящее время не существует международного суда, способного вести разбирательство или назначать наказание государству, равно как и нет возможности установить вину государства — в отличие от вины индивидуальной. Как было подтверждено Международным уголовным трибуналом по бывшей Югославии в деле *Обвинитель против Бласкича*, общие принципы уголовного права весьма сложно применять на практике по отношению к государству. Поэтому пока оптимально было бы сосредоточить внимание на индивидуальной уголовной ответственности. При этом Комиссия предусмотрительно не отказалась от самой концепции, лежащей в основе статьи 19, которая заключается в том, что в современном международном праве проводится различие между «обычными» нарушениями международного права, затрагивающими отдельное государство или государства, и более серьезными нарушениями, затрагивающими все государства и международное сообщество в целом.

21. В статье 40 предусматривается, что в случае серьезного нарушения государством обязательства, вытекающего из императивной нормы общего международного права, все государства должны сотрудничать с целью положить конец этому нарушению и воздержаться от признания законности этой ситуации. В частности, запрет агрессии, рабства, геноцида, расовой дискриминации, апартеида, пыток и отказ в праве на самоопределение имеют особый статус в современном международном праве, являясь нормами *jus cogens*, нарушение которых затрагивает интересы международного сообщества в целом. В связи с этим положения статьи 41 имеют особое значение для САДК, поскольку именно санкции непризнания и неоказания помощи были

применены к южноафриканской администрации Намибии и бантустанам и к Родезии.

22. Статья 48 предусматривает для государств право призвать к ответственности за нарушение обязательств в отношении международного сообщества в целом. Это положение отменяет печально известное решение, вынесенное Международным Судом в 1966 году по делу о Юго-Западной Африке, в котором Суд постановил, что Эфиопия и Либерия не могли претендовать на вынесение определения о том, что апартеид в той форме, в которой он проводился в Намибии, не способствовал реализации интересов народа Намибии, на том основании, что эти страны не имеют правовой заинтересованности в его благополучии. Это решение, которое было справедливо осуждено международным сообществом, явилось серьезным шагом назад в борьбе за дело обеспечения расовой справедливости на юге Африки. В связи с этим САДК приветствует тот факт, что Комиссия прямо отвергла это решение, что согласуется с определением Суда, вынесенным в деле о компании «Барселона Трэкшн», в котором признается, что в отдельных случаях интересы общин, затрагивающие важные ценности, касаются всех государств.

23. Хотя в соответствии с пунктом 2 статьи 48 государство, иное, чем потерпевшее, может требовать от несущего ответственность государства прекращения противоправного деяния и предоставления заверений неповторения и возмещения в интересах потерпевшего государства или других бенефициариев, он интересуется, может ли такое государство пойти дальше и принять меры, не связанные с применением силы, самостоятельно или совместно с другими государствами, с тем чтобы положить конец такому нарушению и обеспечить возмещение в интересах потерпевшего государства или других бенефициариев. Такие меры находят явную поддержку. Так, например, в 1986 году Соединенные Штаты нарушили обязательства по договору с Южной Африкой, приостановив права на посадку воздушных судов компании «Саут Африкэн эйрлайнз» на территории США, с тем чтобы вынудить Южную Африку отказаться от апартеида. Аналогичным образом, в 1998 году Великобритания нарушила соглашение о воздушном сообщении с Югославией в качестве контрмеры против угнетения Югославией албанцев в Косово. Эта практика, однако, все еще не распространена широко, и Комиссия предусмотр-

рительно воздержалась от ее одобрения. Статья 54 оставляет этот вопрос для решения в ходе дальнейшего развития международного права.

24. Весь вопрос о репрессалиях или контрмерах является спорным. Им не место в развитой и централизованной правовой системе, однако, к сожалению, международное право в своем развитии не достигло пока этого уровня. В проектах статей признается такое положение дел, однако делается попытка за счет применения по отношению к контрмерам более жестких условий и ограничений предупредить возможные злоупотребления в этой связи. САДК вынуждено согласиться с тем, что в настоящее время это единственно возможный путь.

25. Особое значение имеет статья 8, в которой государству может вменяться ответственность за поведение частных лиц, действующих при совершении противоправного деяния под руководством или контролем государства. В своем комментарии Комиссия с полным основанием отмечает, что факт осуществления государством контроля над поведением конкретного лица должен устанавливаться в каждом конкретном случае отдельно. Поэтому Международному трибуналу по бывшей Югославии в вынесенном им определении по делу *Обвинитель против Тадича* не было необходимости не соглашаться с решением Международного Суда, вынесенным по делу Никарагуа.

26. По мнению САДК, комментарии к проектам статей, которые удобочитаемы, информативны и практичны, представляют собой серьезный вклад в научную разработку темы ответственности государств. Следует воздать должное Специальному докладчику, которому удалось найти золотую середину между исключительной краткостью других комментариев и излишним многословием комментариев Аго к статьям, принятым в первом чтении.

27. **Г-н Ламмерс** (Нидерланды), касаясь вопроса о выборе формы в целях обеспечения максимальной эффективности статей, говорит, что его делегация полностью поддерживает высказанную Комиссией в адрес Генеральной Ассамблеи рекомендацию (A/56/10, пункт 72) принять к сведению данные проекты статей в одной из резолюций. Что касается рекомендации (пункт 73) о том, чтобы изучить на более поздней стадии возможность созыва международной конференции с целью заключения конвенции, то его делегация, хотя и не исключает пол-

ностью такую возможность, тем не менее сомневается в целесообразности такой конвенции, о чем она сообщила в своих письменных замечаниях по поводу предыдущих проектов. Существует риск утратить многое из того положительного, чего удалось добиться в тексте статей, опасность того, что ратификация не состоится, а также возникновения сложностей в связи с включением в статьи механизма урегулирования споров. С другой стороны, резолюция Генеральной Ассамблеи, в которой данные статьи будут приниматься к сведению — или, лучше, «приветствоваться», — не будет связана с подобными негативными фактами. В конечном итоге, проекты статей в значительной степени отражают нормы международного обычного права, поэтому оформление их в виде новой конвенции не будет означать серьезного шага вперед в развитии международного права.

28. Что касается Комиссии, то текст проектов статей является окончательным, и оратор не намерен предлагать какие-либо поправки. Он отмечает, однако, что, хотя, возможно, в целях достижения консенсуса в рамках Комиссии и было необходимо заменить концепцию «международного преступления» концепцией «серьезных нарушений обязательств, вытекающих из императивных норм общего международного права», тем не менее вызывает сожаление тот факт, что из текста был также исключен перечень примеров международных преступлений, содержащийся в предыдущих проектах статей (о чем правительство его страны уже сообщило в своих письменных замечаниях). Осталась лишь общая канва, наполнить которую содержанием предстоит на основе создания прецедентов и развития права вообще. Кроме того, признавая, что введение понятия «серьезные нарушения» является приемлемым компромиссом, следует отметить, что вопрос о конкретных правовых последствиях совершения такого нарушения по-прежнему проработан недостаточно по сравнению с теми последствиями, которые были включены в проекты статей, утвержденные в первом чтении. Его делегация приветствовала бы положение, в соответствии с которым в случае серьезных нарушений для несущего ответственность государства предусматривались бы не менее серьезные правовые последствия.

29. Выступающий высоко оценивает тот факт, что право государства, иного, чем потерпевшее, потребовать исполнения обязательства по возмещению в

интересах потерпевшего государства или других бенефициариев стало распространяться и на возмещение в связи с совершением серьезных нарушений, если он правильно толкует содержание поправки к пункту 2(b) статьи 48, в которой предыдущая формулировка была заменена ссылкой на «предыдущие статьи».

30. Что касается правового режима контрмер, то в проектах статей был найден необходимый баланс между применением контрмер и обеспечением надлежащих гарантий в отношении злоупотреблений ими.

31. Хотя у его делегации есть ряд оговорок в отношении окончательного текста проектов статей, в целом она полагает, что завершение работы над текстом можно рассматривать как важное событие в деле кодификации и дальнейшего развития международного права, в связи с чем оратор адресует поздравления Комиссии и ее последнему Специальному докладчику по вопросу об ответственности государств. После утверждения Генеральной Ассамблеи эти статьи, несомненно, станут полезным механизмом улучшения отношений между государствами как на двустороннем, так и на многостороннем уровнях.

32. **Г-н аль-Бахарна** (Бахрейн), касаясь главы IV доклада, говорит, что проекты статей об ответственности государств вносят значительный вклад в дело развития и кодификации международного права. Что касается концепции серьезных нарушений обязательств перед международным сообществом в целом, то он полагает, что принятие ее является той ценой, которую пришлось заплатить за согласие отказаться от концепции международных преступлений, содержащейся в бывшей статье 19, которая была подвергнута критике многими правительствами как не соответствующая современной практике государств. То был компромисс, но впоследствии Комиссия решила, что бывший пункт 1 проекта статьи 42, касавшейся ущерба, свидетельствующего о тяжести нарушения, следует опустить, а концепцию серьезных нарушений обязательств следует заменить концепцией серьезных нарушений императивных норм международного права.

33. Членами Комиссии были высказаны различные мнения по поводу положений, касающихся контрмер. Некоторые безоговорочно признают эту концепцию частью международного права, в то

время как другие полагают, что главу о контрмерах следует опустить, поскольку режим контрмер в соответствии с международным обычным правом разработан лишь частично. В конце концов было решено сохранить главу о контрмерах, но опустить предыдущую статью 54, в которой речь шла о контрмерах, принимаемых государствами, иными, чем потерпевшее. С другой стороны, нынешняя статья 54, в которой речь идет лишь о законных мерах, принимаемых государствами, представлена в измененной формулировке в виде защитительной оговорки.

34. Что касается процедур урегулирования споров, в конечном итоге было принято решение лишь привлечь внимание Генеральной Ассамблеи к механизму урегулирования споров, содержащемуся в Части третьей проектов статей, принятых в первом чтении. Поэтому если Генеральная Ассамблея примет решение о разработке конвенции, то ей придется решить, каким образом будут оформлены положения в отношении урегулирования споров. Его делегация выступала за включение таких положений в проекты статей, особенно по той причине, что механизм урегулирования споров послужит эффективным средством предупреждения злоупотреблений в связи с контрмерами. Поскольку этого сделано не было, он поддерживает рекомендацию Комиссии в адрес Генеральной Ассамблеи, однако проекты статей будут неполными, если в них не будет предусмотрена процедура урегулирования споров. Проекты статей следует оформить в виде международной конвенции по следующим причинам: во-первых, как и в случае с Венской конвенцией о праве международных договоров 1969 года, принципы ответственности государств являются важной частью структуры международного права в целом, заслуживают того, чтобы быть надежно закрепленными в международной конвенции, имеющей обязательную силу; и, во-вторых, кодификация норм, касающихся ответственности государств, в виде конвенции обеспечит их стабильность, преемственность, надежность и обязательную силу.

35. Комментируя отдельные статьи, оратор замечает, что в новых статьях 40 и 41 концепция серьезного нарушения государством важного обязательства в отношении международного сообщества в целом была представлена в новой формулировке как «серьезное нарушение государством обязательства, вытекающего из императивной нормы общего меж-

дународного права». Таким образом, формулировки новых статей значительно слабее, чем те, которые они заменили, где такое обязательство определялось как имеющее важное значение для защиты основных интересов международного сообщества. Изъятие из пункта 2 статьи 40 формулировки «риск нанесения существенного ущерба основным защищаемым им интересам», содержащейся в бывшей статье 41, ослабляет значение этого пункта и делает предусмотренное в нем обязательство незавершенным. Аналогичным образом, в новой статье 41 становится размытым содержание жестких требований бывшей статьи 42 и не предусматривается возмещение «ущерба, отражающего тяжесть нарушения», — положение, которое раньше присутствовало в пункте 1 последней статьи. В результате потерпевшее государство лишается права на получение возмещения в связи с особым ущербом, отражающего тяжесть нарушения. Поскольку другие последствия серьезного нарушения, о которых говорится в пунктах 1 и 2 статьи 41, касаются лишь обязательств государств, иных, чем несущее ответственность или потерпевшее государство, для потерпевшего государства не предусмотрено никаких средств защиты в случае упомянутых серьезных нарушений. По этой причине он отдает предпочтение тем формулировкам статей 41 и 42, которые присутствовали ранее.

36. Что касается главы III Части второй проектов статей в целом, то он согласен с замечаниями Специального докладчика, содержащимися в пункте 49 его четвертого доклада, в отношении концепции императивных норм международного права. Несмотря на замечание Специального докладчика о том, что очень немногие нормы международного права могут считаться императивными или порождать обязательства по отношению к международному сообществу, в статьях 40 и 41 Комиссия предпочла принять решение утвердить концепцию императивных норм вместо гораздо более широко принятого принципа обязательств перед международным сообществом в целом.

37. Что касается главы I Части третьей проектов статей, то статья 42 представляется значительно более совершенной по сравнению с предшествовавшей ей бывшей статьей 43. В ней проводится четкое разграничение между потерпевшим государством, непосредственно в отношении которого действовало нарушенное обязательство, и другими государст-

вами или международным сообществом в целом. При этом, как представляется, в ней слишком много таких положений, которые могут вызвать неверное понимание. Как представляется, для новой статьи 43 предпочтительнее было бы сохранить название бывшей статьи 44 («Призвание к ответственности потерпевшим государством»), поскольку уведомление о требовании должно, по логике, следовать за призывом к ответственности. Кроме того, такое название согласовалось бы с названием статьи 48. В пункте (b) статьи 45 следует опустить слово «должно».

38. Как следует из пункта 2 комментария, в основу статьи 48 положен принцип, который заключается в том, что любое государство, иное, чем потерпевшее, имеет право призвать к ответственности другое государство, если нарушенное обязательство было установлено в отношении группы государств, к которой оно принадлежит, и в целях защиты коллективных интересов этой группы. Несмотря на вынесенное Международным Судом решение по делу «Барселона Трэкшн» о том, что «все государства можно считать заинтересованными на законных основаниях» в исполнении обязательств по отношению к международному сообществу в целом, в статье 48 ничего не говорится о заинтересованности международного сообщества. Поэтому он предлагает в конце пункта 1(b) добавить слова «и установлено в целях защиты его коллективных интересов». Что касается пункта 2(b), то он поддерживает включение формулировки «или бенефициариев нарушенного обязательства», согласующейся с положением пункта 2 статьи 33, согласно которому права, предусмотренные в Части второй проекта, распространяются на «любое лицо или образование, иное, чем государство». В делах о Юго-Западной Африке Международный Суд вынес определение о том, что народ действительно пострадал от того ущерба, о котором идет речь. Положения статьи 48, хотя и носят противоречивый характер, тем не менее являются полезными и важными. Как указано в пункте 12 комментариев к данной статье, требование, направленное на обеспечение интересов потерпевшего государства, если таковое имеется, или бенефициариев нарушенного обязательства, допускает определенное прогрессивное развитие.

39. Оратор одобряет главу II Части третьей, в которой устанавливаются необходимые условия смягчения тяжелых последствий осуществления контр-

мер. В пункте 2 статьи 49 вместо представляющего-ся ему более предпочтительным термина «приостановление исполнения», который использовался в бывшей статье 50, используется термин «неисполнение». Однако позитивная формулировка пункта 3 «чтобы позволить возобновление исполнения соответствующих обязательств» является более предпочтительной по сравнению с содержащейся в последней статье негативной формулировкой «чтобы не помешать возобновлению исполнения». Статья 49, в основу которой положено решение Международного Суда по делу *Проект Габчиково — Надьмарош* о том, что контрмера должна приниматься в ответ на предшествующее международно-противоправное деяние другого государства и быть направлена против этого государства, получила широкое признание. Также получила широкое признание и статья 50, в которой предусмотрены дополнительные гарантии и ограничения в отношении контрмер, а положение об обязательствах принимающих контрмеры государств в отношении уважения неприкосновенности дипломатических агентов и консульских должностных лиц было с полным основанием перенесено из пункта 1 в пункт 2. Статья 51, в основу которой положен провозглашенный в деле *Проект Габчиково — Надьмарош* принцип о том, что последствия контрмер должны быть соразмерны степени причиненного вреда, представляется хорошо сбалансированной. Порядок процедуры, изложенной в пункте 1 статьи 52, соответствует общей практике и поддержан Трибуналом в арбитражном деле о *воздушных перевозках*. Однако положение пункта 2, позволяющего потерпевшему государству «принимать такие неотложные контрмеры, которые необходимы для обеспечения его прав», является слишком широким и произвольным, поскольку оно оставляет на усмотрение самого потерпевшего государства определение того, что подразумевается под неотложными контрмерами. Существует опасность того, что потерпевшее государство может назвать обычные контрмеры «неотложными», соблюдая при этом свои обязательства по данной статье в отношении уведомления и предложения провести переговоры. По этой причине он не может поддержать пункт 2, если тот не будет отредактирован таким образом, чтобы стало ясно, какие неотложные меры могут приниматься. Формулировку этого пункта можно предложить в следующей редакции: «Невзирая на положения пункта 1(b), потерпевшее государство может, на временной осно-

ве, принимать такие неотложные меры, как замораживание банковских счетов и активов несущего ответственность государства, которые необходимы для обеспечения его прав». Для того, чтобы придать большую значимость положениям пункта 3, слово «могут» следует заменить словом «должны». Что касается пункта 4, то, поскольку в проекте не говорится о какой-либо отдельной процедуре урегулирования споров, он предлагает в конце пункта добавить слова «в соответствии с пунктом 2(a) статьи 50». Статья 53 предусматривает еще одну гарантию избежания неопределенной длительности осуществления контрмер. Представляется более целесообразным исключить статью 54, которая может внести путаницу в отношении разницы между «правомерными мерами» и контрмерами.

40. Статьи 55–59, в принципе, представляются приемлемыми. Оратор с особым удовлетворением отмечает статью 58, в которой подтверждается, что вопрос об индивидуальной ответственности государственных должностных лиц за преступления против международного права — это совершенно отдельная тема, не связанная с вопросом об ответственности государств. Как объясняется в комментарии к пункту 3, на сегодняшний день этот принцип отражен в пункте 4 статьи 25 Статута Международного уголовного суда.

41. **Г-н Перес Хиральда** (Испания), приветствуя завершение работы Комиссии над темой об ответственности государств и выдающийся вклад в эту работу ее Специального докладчика, одобряет рекомендацию Комиссии (A/56/10, пункт 72) о том, чтобы Генеральная Ассамблея приняла к сведению проект статей в одной из резолюций и включила тексты статей в приложение к ней. В международном праве должен быть юридически обязательный документ об ответственности государств, даже не смотря на то, что в ходе обсуждений на предыдущих сессиях Комитета по такому документу не было достигнуто консенсуса. Комиссия внесла теперь реалистичное предложение, и можно ожидать, что практика государств и международных судов позволит выработать правила, регламентирующие эту сферу, и даст возможность государствам договориться об их содержании, с тем чтобы в будущем их можно было сделать юридически обязательными. Проект, принятый во втором чтении, — это средство к достижению этой цели, поскольку он отражает оптимальную общую позицию, выработанную к на-

стоящему времени правительствами. Его собственная делегация готова внести свой вклад в достижение консенсуса даже несмотря на то, что некоторые из высказанных ею пожеланий не отражены в нынешнем проекте: например, не предусмотрено ни специального режима ответственности за наиболее серьезные нарушения международного права, ни какого бы то ни было механизма урегулирования споров, который приобретает особую актуальность в связи с контрмерами.

42. Обращаясь к главе VI доклада Комиссии, он приветствует предложения Специального докладчика в отношении оговорок к международным договорам, особенно по поводу функций депозитариев. Нет никаких оснований для того, чтобы подготовленные Комиссией руководящие принципы расходились с положениями Венской конвенции о праве международных договоров, особенно ее статьи 77.

43. Обращаясь к главе VII, он одобряет замечания Специального докладчика в его втором докладе о дипломатической защите, касающиеся правового режима для исчерпания местных средств правовой защиты, определяющего его просто как одно из условий допустимости международных претензий. Судя по всему, этот подход не в полной мере совместим с решением, использованным в проекте статей об ответственности государств, статья 44 которого затрагивает это правило лишь в контексте допустимости требований. Что же касается вопроса о постоянной государственной принадлежности, то он предпочел бы сохранить традиционное правило, сделав некоторые исключения.

44. В отношении главы VIII он считает, что четвертый доклад об односторонних актах государств представляет собой ценный вклад в изучение этой темы, которая весьма сложна, о чем свидетельствует частое обсуждение членами Комиссии целесообразности ее кодификации и проблем, с которыми, судя по всему, сталкиваются государства при идентификации своей практики в этой области. Было бы желательно сосредоточить внимание на некоторых типичных односторонних актах и том правовом режиме, который должен применяться к каждому из них. Элементы толкования, которые должны использоваться для определения того, является ли действие или бездействие односторонним актом, сами по себе сыграют важную роль в их классификации. Эта процедура должна предшествовать про-

цедуре толкования конкретного характера акта, который уже отнесен к числу односторонних, но содержание и сфера охвата которого вызывают сомнения. Он одобряет идею Специального докладчика принять правила толкования, содержащиеся в Венской конвенции о праве международных договоров, в которой делается упор на намерениях государств.

45. **Г-н Блисс** (Австралия) говорит, что завершение работы Комиссии над темой об ответственности государств — это колоссальное достижение. С тех пор как она начала работу над этой темой, развитие публичного международного права превзошло все ожидания, но его структура по-прежнему покоится на фундаментальном принципе ответственности государств, на основе которого будет происходить и его дальнейшее развитие. Комментарий к новым проектам статей составлен ясным языком и служит весьма полезным подспорьем. Хотя каждый из специальных докладчиков внес свой вклад в эту работу, вклад нынешнего Специального докладчика можно назвать выдающимся, т.к. он позволил Комиссии окончательно принять проекты статей и комментарии к ним. При подготовке проекта были использованы также замечания государств по предыдущим вариантам, благодаря чему окончательный текст устроил государства в большей степени, чем если бы дело обстояло иначе.

46. Он приветствует использование в статье 42 словосочетания «международное сообщество в целом», которое является достаточно общим для того, чтобы охватить не только государства, но и международные организации и других физических и юридических лиц. Отрадно также, что концепция «комплексного обязательства», фигурировавшая в предыдущем проекте, была заменена понятием «нарушения обязательства», содержащимся в подпункте (b)(ii) этой статьи. Он также приветствует определение понятия «вред» в пункте 2 статьи 31, которое включает в себя ущерб, но не ограничивается им, что открывает возможности для включения целого ряда возможных видов ущерба.

47. Он одобряет включение в текст положений о режиме контрмер. Австралия говорила о том, что, несмотря на важность недопущения злоупотреблений контрмерами, этот режим не должен носить чрезмерно ограничительный характер. В пункте 4 статьи 53 содержится важное предостережение на этот счет.

48. Статья 10 не была скорректирована таким образом, чтобы учесть обеспокоенность его страны по поводу того, что предусмотренная в проекте связь между поведением повстанческого движения и ответственностью нового государства, формирующегося из такого движения, носит слишком расплывчатый характер. Было бы целесообразно дать дополнительные разъяснения по поводу степени близости или необходимых временных рамок для того, чтобы поведение движения могло рассматриваться как акт нового государства.

49. Он одобряет работу Комиссии по определению понятий «потерпевшее государство» и «иное государство» и ее поправки к термину «коллективный интерес» в пункте 1(а) статьи 48. Общая идея статьи 48 вполне устраивает оратора, но фраза «бенефициарии обязательства» в пункте 2(b) может вызвать некоторые сомнения в отношении сферы охвата этой статьи применительно к положению в статье 54 о мерах, принимаемых государствами, иными, чем потерпевшее государство.

50. Одна делегация отметила, что проекты статей далеки от совершенства; однако любое действие, которое сделает их более приемлемыми с одной стороны, неизбежно сделает их менее приемлемыми с другой. Очевидно, что Комиссия должна идти путем уступок и компромиссов, а Комитет должен взять на вооружение столь же конструктивный подход. Он одобряет рекомендацию Генеральной Ассамблеи принять к сведению проект статей в одной из резолюций и включить его в приложение к этой резолюции (A/56/10, пункт 72); Ассамблее следует также приветствовать завершение работы над этим документом. Подобная резолюция, коль скоро она не касается содержания проектов статей, не должна вызывать споров и служила бы весьма уместным и своевременным признанием этого крупного достижения Комиссии.

51. Вместе с тем он не поддерживает рекомендацию Комиссии о том, чтобы Ассамблея изучила на более поздней стадии возможность созыва конференции в целях заключения конвенции по данной теме. Хотя это и может рассматриваться как скромный результат 50-летнего труда, его делегация считает, что дипломатическая конференция неизбежно повлечет за собой сопряженные с немалыми трудностями новые обсуждения каждой статьи, тогда как принятие декларации обеспечило бы целостность проектов статей и универсальность их при-

менения, которая вряд ли будет достигнута при попытке объединить их в некую конвенцию. Такой подход сделает проекты статей не менее, а, наоборот, более актуальными, убедительными и авторитетными и не исключит возможности их применения международными трибуналами, как, по существу, уже делал Международный Суд. Генеральной Ассамблее было бы целесообразно принять резолюцию, которая позволила бы ей вернуться к обсуждению этого вопроса по прошествии четырех-пяти лет, когда она могла бы изучить возможность принятия любых дальнейших мер.

52. Наконец, он не считает, что в статьях, какую форму они бы ни приняли, должен содержаться некий механизм урегулирования споров. Если они принимаются как некий кодекс или декларация, не имеющие обязательной юридической силы, то в таком механизме нет необходимости; если же они принимаются как договор, то сфера применения последнего будет настолько широка, что некое общее положение об обязательном урегулировании споров вряд ли может быть выработано. Целесообразнее опереться на существующие положения о разрешении споров, включая применение Факультативной клаузулы в соответствии со Статутом Международного Суда и обращение к другим соответствующим трибуналам, таким, как Международный трибунал по морскому праву с его обязательной юрисдикцией.

53. **Г-н Чик** (Сингапур) говорит, что обсуждаемые Комиссией темы приобретают еще большую важность в свете дестабилизирующих событий сентября 2001 года.

54. Он приветствует принятые меры по упрощению языка, которым написан доклад, путем переноса уточнений и подробных разъяснений в комментарий, служащий авторитетным руководством по толкованию. Множество перекрестных ссылок на старые и новые правовые документы и решения Международного Суда и продолжающиеся консультации с правительствами и другими организациями — свидетельство сотрудничества между нормотворческими органами, результатом которого станут более широкая кодификация и признание норм международного права и присоединение к соответствующим документам.

55. Что касается главы IV доклада, то он поздравляет Комиссию и всех специальных докладчиков, в

особенности г-на Джеймса Кроуфорда, с их выдающимся достижением — завершением работы над столь важной и деликатной темой, как ответственность государств. Благодаря их реалистичным ожиданиям и признанию того, что работа Комиссии является составной частью процесса развития международного права, был подготовлен документ, приемлемый для государств. Он одобряет отсрочку обсуждения положений о механизме урегулирования споров, которые было бы уместнее рассматривать в контексте некоего договора, и акцент на мирном урегулировании споров и на заверениях и гарантиях (статья 30(b)), которые имеют важное значение для восстановления и сохранения добрососедских отношений между государствами. Интегральный подход к определению понятия «вред» поможет решить проблемы, связанные с этим меняющимся и не поддающимся четкому определению понятием. Наконец, подход к спорному вопросу о контрмерах и, в частности, исключающая оговорка в отношении законных мер, принимаемых государствами, иными, чем потерпевшее государство, — вопроса, кодифицировать который было бы преждевременно, — в целом приемлем; попытки избежать преждевременной кодификации потенциально дестабилизирующих сфер права достойны всяческих похвал.

56. Что касается главы V, то он с удовлетворением отмечает, что проекты статей о международной ответственности за вредные последствия действий, не запрещенных международным правом (предотвращение трансграничного вреда от опасных видов деятельности), посвящены практическому вопросу регулирования рисков как одному из аспектов предотвращения. Акцент на добросовестном сотрудничестве и консультациях между государствами свидетельствует о проявлении внимания к проблемам, с которыми сталкиваются многие страны в деле сдерживания трансграничного вреда, источником которого являются их территории, и о готовности решать проблемы, а не навешивать ярлыки. Он благодарит всех специальных докладчиков, и в частности г-на Рао, за их работу над текстом.

57. Если говорить о главе VI, то последующее формулирование оговорок к договорам (проект основного положения 2.3.1) — это сравнительно новая практика, обусловленная потребностью некоторых государств и организаций изменить определенные аспекты своих прав и обязанностей по той кон-

венции, участниками которой они являются. Его делегация не считает, что терпимое отношение к этой практике приведет к злоупотреблениям ею; последующие оговорки будут делаться только в свете изменившихся потребностей или обстоятельств либо для того, чтобы исправить допущенную ошибку. Практика, в соответствии с которой уведомленные об оговорке стороны должны заявить о том, что они против нее не возражают, позволит предупредить необоснованное или частое формулирование последующих оговорок и явится предпочтительным способом для того, чтобы вынудить государства пойти на более решительные меры, то есть на денонсирование конвенции, о которой идет речь.

58. Он может согласиться с использованием термина «возражения» — который в Венской конвенции означает несогласие с содержанием оговорки — для обозначения несогласия с процедурой формулирования оговорки, но он считает, что использование альтернативных терминов, таких, как «отклонение» или «отказ», позволило бы избежать путаницы. Депозитории должны направлять сообщение о формулировании последующих оговорок вместе с уведомлением об их последующем характере и ссылкой на проекты основных положений 2.3.1-2.3.3; если в течение установленного срока не поступит возражений по поводу содержания или последующего характера этой оговорки, она может быть официально зарегистрирована. Он надеется, что государства и организации не будут постоянно выступать с возражениями только в силу последующего характера оговорок.

59. **Г-н Вестдикенберг** (Германия), комментируя главу IV доклада, говорит, что с учетом оставшихся спорных вопросов тем более удивительно, что Комиссии удалось завершить работу над проектами статей об ответственности государств. Многие государства еще не закончили изучение этих проектов; в этой связи он предлагает включить вопрос об ответственности государств в повестку дня Генеральной Ассамблеи на ее пятьдесят седьмой сессии и предложить заинтересованным государствам представить свои мнения.

60. Отрадно, что термин «международные преступления», приводящий к недопустимому смешению таких понятий, как ответственность государств за реституцию или возмещение ущерба и персональная ответственность частных лиц за их дейст-

вия, был заменен термином «серьезные нарушения обязательств, вытекающих из императивных норм общего международного права». Запрещение пыток и агрессии и основные положения международного гуманитарного права, упомянутые в комментарии, — это нормы первостепенной важности, требующие особого подхода, который и применяется к ним в статьях 40 и 41. Он также приветствует отказ от идеи о том, что тяжесть нарушения должна отражаться в объеме возмещаемого ущерба; такой подход может привести к присуждению штрафных выплат за ущерб, что не имеет ничего общего с той целью, которую преследует возмещение вреда. Было бы желательно оформить эти нормы как приложение к какой-либо резолюции Генеральной Ассамблеи, а не как международную конвенцию, с тем чтобы обеспечить их максимально широкое признание и избежать опасности фрагментации текста.

61. Что касается главы V, то трансграничное загрязнение — проблема отнюдь не новая; однако, разрабатывая проекты статей о международной ответственности за вредные последствия действий, не запрещенных международным правом, Комиссия углубилась в доселе не изведенную сферу, поскольку понятие международной ответственности традиционно основывалось на противоправности деяния или поведения по международному праву. Последствия применения новых норм потенциально весьма широки, и достичь баланса интересов будет нелегко. В этой связи обсуждение проектов будет необходимо продолжить на возможно более широкой основе, с тем чтобы обеспечить надлежащий учет интересов всех соответствующих сторон.

62. В отношении главы VI он отмечает, что запрет на формулирование оговорок к тому или иному многостороннему договору неизменно нацелен на сохранение целостности этого документа, воспринимаемого как единое целое. Хотя этот подход может быть в некотором смысле негибким, он способен также обеспечить целостность сложной системы правил и ценностей, особенно в таких областях, как права человека, где приверженность международного сообщества принципам универсальности и неделимости должна оставаться незыблемой. Последняя тенденция к формулированию оговорок, которая ставит договорную систему в целом в зависимость от другой системы норм и ценностей, являющейся более важной в глазах государства, формулирующего оговорку, способна в значительной

степени лишить многостороннюю конвенцию ее смысла, который, в конечном счете, состоит в установлении общих стандартов. Необходимо найти способ согласовать национальные правовые системы с обязательствами по международному праву.

63. Обращаясь к главе VII, он с удовлетворением отмечает ту непредубежденность, с которой Специальный докладчик по теме о дипломатической защите анализирует возможные новые пути решения старой проблемы. Давнее правило о том, что если индивид терпит убытки в результате нарушения международного права иностранным государствам и впоследствии меняет свое гражданство, то только то государство, гражданином которого он был в момент причинения ущерба, правомочно осуществлять дипломатическую защиту, имеет под собой веские основания как в концептуальной, так и в практической сфере; это правило дает возможность государству, о котором идет речь, заявить свои собственные права и исключает ситуации, когда потерпевшие лица начинают заниматься подбором устраивающего их защитника. Однако есть случаи, когда применение этого правила может повлечь за собой чрезмерные трудности, например в случае недобровольной утраты гражданства в результате правопреемства государств, брака или усыновления.

64. Следует также отдать должное Специальному докладчику и Комиссии за то, как они подошли к вопросу об исчерпании местных средств правовой защиты. Определяющим критерием «средства правовой защиты в этом контексте должна быть его достаточность и доступность для всех, что исключает применение чисто дискреционных средств защиты. Неважно, является ли орган, решения которого ожидает частное лицо, судебным или административным. Местные средства правовой защиты применимы только к претензиям, выдвигаемым государством вследствие того, что кому-либо из его граждан был причинен ущерб, а не к попыткам добиться возмещения вреда, причиненного самому государству; провести такое разграничение — задача трудная, но не невозможная.

65. Что касается главы VIII, то он считает, что, ввиду широкого разнообразия возможных односторонних актов государств, с точки зрения международного права было бы лучше перечислить наиболее часто встречающиеся акты и правила, которыми они регламентируются.

Заявление Председателя Международного Суда

66. **Г-н Гийом** (Председатель Международного Суда) говорит, что положение дел в смысле увеличения числа международных судебных органов и последствий этого процесса для международного права с прошлого года не улучшилось, а опасность «подбора более удобного суда» лишь возросла, как показали спор между Чили и Европейским союзом по поводу запасов меч-рыбы и дела, связанные с запасами южного обыкновенного тунца.

67. Возросла также опасность коллизии правовых прецедентов, и Суд только что рассматривал заявление Лихтенштейна, возбудившего иск против Германии по одному делу, некоторые аспекты которого заслушивались и рассматривались Европейским судом по правам человека.

68. Увеличение числа международных судебных органов может создать угрозу целостности международного права. Международные законодатели и судьи должны в будущем проявлять большую осторожность в этой области, хотя такой осторожности может оказаться недостаточно и придется ввести процедуры, позволяющие Суду принимать решения по вопросам, выносимым на его рассмотрение в предварительном порядке специализированными международными судами.

69. 16 марта 2001 года Суд вынес решение по территориальному спору между Катаром и Бахрейном о суверенитете над некоторыми островами и делимитации морской границы между двумя государствами.

70. Делимитация морских пространств долгое время считалась второстепенным вопросом, предполагавшим установление границ между узкими участками территории. За последние 30 лет, однако, в результате развития техники и распространения юрисдикции государств на открытое море она стала одним из главных территориальных вопросов.

71. При делимитации границ рекомендовалось использовать два метода. Одни предпочитали «метод равного удаления», в соответствии с которым морская граница между государствами должна проходить по срединной линии, каждая точка которой находится на равном удалении от ближайших точек побережьях. Другие отмечали, что, хотя метод равного удаления и приемлем для делимитации

территориального моря между государствами, находящимися на противоположных берегах, сопоставимых по протяженности, в иных обстоятельствах он может дать несправедливые результаты. Таким образом они выступали за делимитацию морских границ, основанную на принципах справедливости или получении справедливых результатов.

72. Граница между территориальным морем и открытым морем традиционно проводилась на расстоянии трех морских миль от берега (сегодня эта цифра нередко увеличивается до 12 морских миль). Вопрос, однако, состоит в том, какие берега должны приниматься в расчет при установлении границы, с тем чтобы обеспечить надлежащую делимитацию. Существует два метода для определения точек отсчета территориального моря: метод нормальных исходных линий и метод прямых исходных линий.

73. Нормальная исходная линия, обычно используемая для измерения ширины территориального моря, — это линия наибольшего отлива вдоль берега, указанная на официально признанных прибрежным государством картах крупного масштаба. Тем не менее Суд в своем решении от 18 декабря 1951 года по делу об англо-норвежском рыбном промысле предпочел традиционному методу метод прямых исходных линий. Отметив, что метод нормальных исходных линий может без труда применяться к обычному, не слишком изрезанному побережью, Суд добавил, что в тех случаях, когда берег глубоко изрезан или извилист или когда вдоль него проходит цепь островов, исходная линия становится независимой от уровня малой воды и может определяться лишь методом геометрических построений. Для этих ситуаций Суд утвердил метод прямых исходных линий, который позднее был включен в Конвенцию 1958 года о территориальном море и прилегающей зоне, а затем в пункт 1 статьи 7 Конвенции Организации Объединенных Наций по морскому праву. В своем решении от 16 марта 2001 года Суд впервые имел возможность применить эти положения, которые он считает частью обычного права.

74. Бахрейн заявил, что различные черты морского рельефа, находящиеся вдали от побережья и его главных островов, могут рассматриваться как некое подобие цепи островов, составляющей единое целое с материком. Он заключил, что он имеет право

проводить прямые исходные линии, связывающие эти черты рельефа.

75. Суд не согласился с Бахрейном в этом вопросе. Признав, что указанные черты морского рельефа являются частью общей географической конфигурации Бахрейна, он все же отметил, что они не являются частью глубоко изрезанного берега, что они не могут квалифицироваться как цепь островов и что поэтому ситуация, о которой идет речь, отличается от той, которая описана в Конвенции Организации Объединенных Наций по морскому праву. Он заключил, что Бахрейн не имеет права проводить прямые исходные линии и что равноудаленная линия между Бахрейном и Катаром должна, следовательно, отсчитываться от нормальных исходных линий. Таким образом, площадь внутренних вод Бахрейна была сокращена.

76. Помимо разъяснения правил установления внешних границ территориального моря, в этом решении также затрагивается вопрос о делимитации территориальных вод соседних государств. Этот вопрос регулируется нормами обычного права, кодифицированными в Женевских конвенциях и Конвенции Организации Объединенных Наций по морскому праву. В статье 15 этой конвенции закладывается принцип, согласно которому делимитация территориального моря должна производиться по методу равного удаления, но добавляется, что это положение не применяется, если в силу особых обстоятельств территориальные моря двух государств необходимо разграничить иным образом.

77. В споре между Катаром и Бахрейном Суд, подтверждая свою прежнюю практику, отказался применить метод определения равноудаленной линии путем расчета расстояний между материками. Он установил, что каждая из указанных черт морского рельефа влияет на местоположение равноудаленной линии, и определил эту линию путем отсчета от соответствующих исходных линий и точек. С этой целью он оговорил большие и малые острова, относящиеся к суверенитету каждого из государств.

78. Однако из-за существования в этом районе осыхающих при отливе возвышений возникла очередная трудность. Согласно Конвенции Организации Объединенных Наций по морскому праву, осыхающее при отливе возвышение представляет собой естественно образованное пространство суши, окруженное водой, которое находится выше уровня

воды при отливе, но покрывается водой при приливе. Конвенция гласит, что если осыхающее при отливе возвышение полностью или частично находится от материка или от острова на расстоянии, не превышающем ширины территориального моря, то линией наибольшего отлива такого возвышения можно пользоваться как исходной линией для измерения ширины территориального моря. Если осыхающее при отливе возвышение расположено полностью на расстоянии от материка или острова, превышающем ширину территориального моря, то оно не имеет своего территориального моря.

79. В случае с Катаром и Бахрейном некоторые осыхающие при отливе возвышения находятся в зоне, где территориальные моря двух государств перекрываются. Таким образом каждое государство в принципе имеет право использовать линию наибольшего отлива этих возвышений для измерения ширины своего территориального моря. В контексте делимитации права этих двух государств, как представляется, вступают в коллизию между собой и исключают друг друга. Тем не менее Бахрейн заявил, что он владеет большинством осыхающих при отливе возвышений, которые, таким образом, подпадают под его суверенитет, и что он один имеет право принимать их в расчет при определении равноудаленной линии.

80. Суд не принял этот аргумент. Он указал, что государство не может приобретать суверенитет путем присвоения осыхающего при отливе возвышения, расположенного в пределах его территориального моря, если это возвышение расположено также в пределах территориального моря другого государства. Таким образом он заключил, что эти осыхающие при отливе возвышения не могут использоваться для определения исходных точек и проведения равноудаленных линий.

81. Что касается делимитации континентального шельфа и исключительной экономической зоны, то Суд также создал прецедент, который теперь является общепризнанным. В деле, касающемся континентального шельфа Северного моря (1969 год), Суд изначально склонялся к делимитации этого шельфа в соответствии с принципами справедливости, учитывая все соответствующие обстоятельства. Тот же подход применялся и к последующим делам. Эти решения повлияли на выбор, сделанный участниками Конференции Организации Объединенных Наций по морскому праву, который нашел свое от-

ражение в статьях 74 и 83 Конвенции Организации Объединенных Наций. На данном этапе, однако, прецедентное право и договорное право стали непредсказуемыми, что вынуждает Суд развивать свое прецедентное право в направлении большей ясности.

82. Выход на новый этап был ознаменован вынесением решения от 14 июня 1993 года по спору между Данией и Норвегией в отношении делимитации морского пространства в районе между Гренландией и островом Ян-Майен. В этом случае было предложено делимитировать континентальный шельф в соответствии с Женевской конвенцией 1958 года о континентальном шельфе (равное отстояние/особые обстоятельства), а зоны рыбного промысла — в соответствии с нормами обычного права (справедливое решение с учетом соответствующих факторов). Суд подчеркнул, что в обоих случаях должны быть достигнуты справедливые результаты. Для этого он счел уместным начать с определения равноудаленной линии и позднее внести в нее все необходимые коррективы с учетом соответствующих факторов. Наконец он заявил, что эти факторы сопоставимы с особыми обстоятельствами, оговоренными в Конвенции 1958 года. Исходя из этого, Суд принял решение о единой делимитационной линии для континентального шельфа и зоны рыбного промысла и провел эту линию к востоку от срединной линии.

83. С тех пор решение, принятое в споре между Данией и Норвегией, применялось к делимитации континентального шельфа и рыбопромысловых зон государств с противоположными побережьями. Выяснение того, будет ли этот же метод применяться к смежным побережьям, оставалось делом будущего.

84. В случае со спором между Катаром и Бахрейном Суд принял однозначное решение, вновь указав, что необходимо предварительно провести равноудаленную линию, а затем изучить вопрос о том, существуют ли особые обстоятельства, требующие корректировки этой линии. В данном случае он отклонил ряд обстоятельств, на которые сослались стороны, и принял во внимание лишь одно, касающееся морского объекта под названием Фашт эль-Джарим, представляющего собой продолжение береговой линии Бахрейна в районе Залива. Суд постановил, что с учетом обстоятельств дела справедливость требует, чтобы Фашт эль-Джарим не принимался в расчет при определении линии границы.

85. Отрадно отметить, что правила делимитации морских границ вышли, благодаря описанному им развитию прецедентного права Суда, на новый уровень единства и ясности при сохранении необходимой гибкости. Во всех случаях Суд, как и государства, должен вначале в предварительном порядке определять равноудаленную линию, а затем выяснять, существуют ли особые обстоятельства, требующие корректировки этой линии в интересах достижения справедливых результатов. Что касается спора между Катаром и Бахрейном, то стороны выразили признательность Суду за то, что ему удалось найти «золотую середину» между нормами права и принципами справедливости.

Заседание закрывается в 13 ч. 00 м.